

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1998 № 2

К 70-летию
Дома Плеханова

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

№ 2

1998 год

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

К 70 - летию Дома Плеханова

Обращение
К. Бато-Плеханова

Дом Плеханова:
1928-1998

Переписка
Н. С. Русанова

Воспоминания
В. О. Левицкого

Материалы
и документы ЦХИДК
о Г. В. Плеханове

Письма
А. И. Балабановой

Ф. И. Дан -
В. И. Засулич

Дневниковые записи
Р. М. Плехановой

Из семейной хроники
Плехановых

Учредители:
Федеральная архивная
служба РФ, Трудовой
коллектив журнала
«Исторический архив»

«История-Сервис»[©]

Россия 129256,
Москва,
ул. Вильгельма Пика,
д.4, корп. 2.
Тел./факс: 181-17-52

2001-2360/2

«Я ГЛУБОКО СТРАДАЮ ЗА ФРАНЦУЗСКИЙ НАРОД»

Дневниковые записи Р. М. Плехановой. 1939-1941 гг.

Розалия Марковна Боград - вторая жена Георгия Валентиновича Плеханова - родилась в Херсоне в 1856 г. в зажиточной еврейской семье. В 1875 г. поступила в женскую медицинскую школу при Военно-медицинской академии в Петербурге и приняла активное участие в движении революционных народников. В 1878 г. стала женой Г. В. Плеханова, оставаясь всю жизнь его верным другом и помощником. В 1880 г. уехала в Швейцарию, куда ранее был вынужден эмигрировать ее муж.

Женевский университет, в котором Розалия Марковна продолжила свое образование, в 1889 г. присудил ей степень доктора медицины. Р. М. Плеханова многое делала для того, чтобы сберечь силы и здоровье Г. В. Плеханова, дать возможность целиком посвятить себя революционной работе и пропаганде марксистских идей. Она принимала активное участие в организации и деятельности группы «Освобождение труда», хотя формально и не входила в ее состав.

В марте 1917 г. Р. М. Плеханова вместе с мужем вернулась на родину, а после его смерти вновь уехала за границу к дочерям. После образования Дома Плеханова в 1928 г. Р. М. Плеханова, вернувшись в Россию, стала его заведующей и членом редакции, издававшей сборники «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Начавшаяся в 1939 г. Вторая мировая война застала ее во Франции, где в кругу семьи обычно проводила свой отпуск Розалия Марковна. Возраст и состояние здоровья уже не позволили Р. М. Плехановой вернуться в Ленинград, и она умерла в Париже в 1949 г.

Публикуемые «Дневниковые записи» являются фрагментами ранее не публиковавшегося и неоконченного автографа объемом в 337 страниц, охватывающего период с августа 1939 г. по март 1941 г. Записи в дневнике велись ею нерегулярно и их, безусловно, нельзя рассматривать как хронику фиксируемых событий. На наш взгляд, их ценность состоит в том, что они позволяют сравнить видение войны рядовыми гражданами СССР и Франции, и оценить, насколько по-разному велась Германией война по отношению к народам этих стран.

Некоторые оценки и суждения современному читателю могут показаться несколько наивными, однако не следует забывать, что получить объективную информацию в то время было практически невозможно, да и отделяют нас от того времени почти 60 лет.

Текст печатается без изменений, в соответствии с современными нормами, купюры отмечены отточиями в квадратных скобках.

Публикацию подготовил доктор исторических наук Н. А. САННИКОВ.

Дневниковые записи Р. М. Плехановой о жизни в Париже в период немецкой оккупации 1939-1941 гг.

Мои переживания за последние десять месяцев, т. е. со времени моего приезда 26 августа 1939 г. года в мою семью во Францию.

Оставила я Ленинград после длинных хлопот о выдаче мне заграничного паспорта. Чем объяснить эту затяжку? Думаю, что только административной канителью, так как только за несколько месяцев

перед началом новых хлопот я получила годовой паспорт для поездки за границу, но не могла воспользоваться им из-за тяжелой болезни и смерти моей младшей сестры Фанни Марковны. Она умерла 20 мая 1938 г. Несколько месяцев спустя я начала новые хлопоты, но получила необходимую бумагу только в конце июля 1939 г. Измученная болезнью и смертью сестры, потеря которой была для меня большим ударом, - я в ней потеряла нежно любимую сестру и ангела-хранителя в последние годы моей жизни, - я стремилась к моим нежно любимым дочерям, чтобы в их среде оправиться от пережитых страданий и поправить мое очень расстроенное здоровье.

Все (казалось спокойным в политической)^a атмосфере, наступило временное спокойствие. После тяжело пережитой всей страной чехословацкой трагедии Данциг¹ нас беспокоил, но мы были уверены, что войны из-за Д[анцига] и коридора не будет, что стороны сговорятся. [...] Я спокойно покинула Ленинград, мой любимый «Питер», с которым связаны мои университетские годы, годы революционной деятельности, встреча и первые годы жизни с Георгием Валентиновичем. Поеду, поправлю здоровье, повидая детей и вернусь к работе, я была далека от опасений быть оторванной от любимой родины и начатого дела².

21-го августа я села на пароход «Сибирь», а 26-го утром, после 5 дней чудного плавания, я приехала в Гавр, куда мне навстречу приехали дочери и внук. Все дни, в которые длилось плавание, были спокойны; настроение среди служащих парохода и учеников морской школы, для которых это плавание было приятным, мне казалось очень симпатичным по отношению к Франции, когда мы проезжали Кельнский канал и остановились у маленькой пристани, на которой стояло несколько судовых рабочих и начальник пристани. Обмена приветствиями не было, были сдержанны с одной и другой стороны. На другой день утром один из помощников капитана с удивлением сказал мне: «Представьте себе, Р[озалия] М[арковна], нас вчера вечером в речах из немецкого радио очень хвалили. Это нас поразило, так как обыкновенно нас ругают ругательски». [...] Мы все удивились этой перемене, но не придали ей большого значения. Свидание с семьей, радость встречи отгоняли мрачные мысли, предчувствия... Говорили мы и о Мюнхене, и о чехословацкой трагедии, вспомнили незабвенного Масарика³, который приезжал к нам в Женеву в 1914 г., поделились с дочерьми воспоминаниями и о его светлой личности, но были далеки от мысли, что наступает грозная туча с другой, совсем неожиданной стороны. Будучи еще в Ленинграде, я из газет знала, что в Москве находятся фр[анцузская] и английская делегации для переговоров с Сов[етской] Россией, что ходом этих переговоров не совсем было довольно русское правительство, которое находило, что представители демокр[атических] государств не идут навстречу опасениям Сов[етской] республики в случае нападения немцев на ее балтийские границы, но все это было туманно, и мы, черпавшие известия из газет, надеялись, что наше Отечество договорится с демократиями [...] ⁴. Мысль о союзе [С]ССР с Германией никому из граждан Советской Республики не приходила в голову. После чувств, выраженных вождем Германии к нашему народу, нашему правительству, после антикоминтернского пакта⁵, не могла прийти в голову мысль о союзе между [Союзом] ССР и Германией. Я была спокойна и с наслаждением отдавалась чувству

^a Приведенные в круглых скобках слова этого предложения в рукописи зачеркнуты.

радости от свидания с дочерьми и внуком⁶, с которыми была в разлуке в течение трех лет.

Но вот наступило 1 сентября 1939 г. и объявление войны Польше со стороны Германии и России! Это был неожиданный удар, поразивший весь мир! Я лично пережила этот удар крайне болезненно. Свобода, право на самоопределение народов были азбукой нашей социалистической веры. Вся история нашего революц[ионного] движения проникнута была этой идеей. Вспомнили Герцена и его отношение к польской революции, которая боролась за свободу от царского гнета. [...] Польская нация – талантливая нация, внесшая немало в европейскую цивилизацию [...]. Сколько мне известно, к независимости Польши и Владимир Ильич [Ленин] относился, как Плеханов, Герцен и другие вожаки русс[кого] революц[ионного] движения.

И вдруг моя родина, «построившая социализм» или, скорее, находящаяся на пути к нему, участвует в разделе Польши, как русская деспотия в течение XIX столетия. Это было невыносимо. Мне было стыдно за свою страну, которая, несмотря на много тяжких ошибок, которые она делает в течение последних двадцати двух [лет], мне очень дорога. Я верю в ее великое будущее! Но это великое будущее наступит, если она пойдет по пути демократий, а не вопреки им.

Известия, которые доходили до нас из фр[анцузских] газет и рассказов очевидцев из Польши, оккупированной немцами, приводили меня в ужас! Неужели это верно? Избиение евреев, лишение этого несчастного племени права на пищу, одежду, отсылка польских женщин в армию для услуг немецким солдатам – все это превосходит самое болезненное воображение. Будем надеяться, что многое выдуманно, что Германия Лессинга, [...] Гейне, Гер[мания] Ф. Энгельса, Маркса не может дойти до таких ужасов и жестокостей. Но если эти слухи и известия преувеличены, все-таки нашествие на Польшу погубило талантливую цивилизованную страну, которая проявила немало подвигов и героизма в борьбе за свою независимость.

Польская трагедия была для меня таким же, если не большим, ударом, чем раздавление Чехословакии. Я припомнила наших польских друзей, нашего любимого рыцаря-пролетарьятца Людвиг Варыньского, талантливого ученого Дикштейна с нежной поэтической душой, талантливого организатора польского революционного [...] Венцков-ского, мою подругу Марке⁷ [...]. Все это были революционеры, социалисты, любившие страстно свою родину и отдававшие свою жизнь за ее освобождение. И эта, – дорогая целому поколению борцов, – родина раздавлена! (И к этому преступлению приложила руки наша родина, борцы которой в 80-х – 90-х [годах] прошлого столетия и в первую четверть текущего столетия боролись рядом).

Я была очень удручена этими событиями. Признаюсь, мне стыдно перед окружавшими меня французами, перед моими детьми, внуком, которые на меня, мне казалось, смотрели с горьким упреком в глазах. Я старалась себе объяснить это, неожиданное для меня, крайне тяжелое событие. Я хотела себе объяснить этот внезапный, неожиданный [союз] с нац[ионал]-соц[иалистами]⁸, злейшими врагами нашей республики, организатора[ми] треугольника антикоминтернского, мечтавших о нападении на нашу страну, об отнятии Украины [...], ее разделении. О германском плане разделения Польши я узнала позже и это мне многое прояснило в действиях Сов[етской] Республики.

⁶ Неразбродливо.

Перемену ориентации [С]ССР я объясняла себе так: Балтийское море и свобода плавания по нем[у] является жизненной потребностью страны. Решение забрать Польшу было бы молниеносно приведено в исполнение при содействии балтийских маленьких государств и даже крупных (Норвегии и Швеции), если бы Россия не ответила положительно на предложение Германии. Если бы С[оветская] Р[еспублика] не сделала этого [...] шага, то Германия с помощью балтийских стран в течение 5-6 дней оказалась бы, овладев Польшей, у ворот России. Петербургу грозила смертельная опасность со стороны немцев, подкрепленных помощью балтийских государств. Поддержка войны на Западе, когда на Востоке с Японией происходили еще кровавые стычки, закончилась бы, если не гибелью, то, во всяком случае, многими бедствиями. [С]ССР не был готов к войне на двух фронтах, и он выбрал спасти страну от большого риска и опасности, сделать шаг, вопреки желаниями и симпатиям русского народа.

Так я себе объяснила нашу измену союзникам. Эти мои соображения я высказывала неудомер[ав]шим вокруг меня друзьям-французам.

Я прибавила еще, что ведущие с [С]ССР переговоры представители союзных стран не поняли жизненных интересов этой страны. Они имели возможность уговорить и, наверное, убедили бы Финляндию уступить на несколько десятков лет те позиции в Финляндском заливе, которые России пришлось потом взять силой, путем преступления против маленького героического финляндского народа. Во всем этом сказались неприятие и непонимание интересов страны в 170 милл[ионов] населения. Все-таки раздел Польши и война с Финляндией - великие грехи, которые заставят страдать не одно поколение [людей] нашей родины.

Гнетущее впечатление произвел на меня исход русских и немцев из балтийских государств, обращение с поляками как с рабами. Унижения, убийства евреев, все это ужас, ужас и ужас! За что мы страдали и боролись? Все это свелось на нет благодаря новому Чингисхану. Неужели нет других способов кроме разрушения и смерти к удовлетворению обойденных историей народов землей. [...]

Долгое время играла Германия на нервах народов всего мира после взятия Польши. Куда двинется теперь орда современного Чингисхана? На Швейцарию? На Голландию, Бельгию, на линию Мажино?⁹ Народы, которым грозила непосредственная опасность, переживали муки ада. Мобилизация, сосредоточение войск для охраны границ, отсылка женщин, детей, стариков в глубь страны, лишения всякого рода.

Май 1940. Наконец, 10-го мая мир с ужасом узнает о переходе полчищ[ами] совр[еменных] гуннов границ Голландии и Бельгии. После захвата Люксембурга Франция идет на помощь Бельгии, против германских войск, их танков и сокрушительной авиации. Англ[ийские] и фр[анцузские] войска сражаются храбро, беззаветно, но слабо вооружены по сравнению с врагом. Бельгия делается жертвой Германии, бельгийский король, который призвал Фр[анцию] и Англию на помощь, дает приказ бельгийск[им] войскам о сложении оружия. Германия идет вперед против [...]а героически сражающегося врага. Прижатые к морю в Ла-Манше, значительная часть уцелевшей английской армии и незначит[ельная] часть фр[анцузской] переплывают Па-де-Кале при крайне опасных условиях под бомбами

⁹ Неразборчиво.

немцев, а большая часть французской армии оказывает героическое сопротивление беспрестанно возобновляющимся дивизиям немцев.

Города Франции берутся один за другим, реки переходятся моторизованным Чингисханом, в отступающую француз[скую] армию немецкие бомбовозы бросают смертоносное оружие и хвастаются этим в своих коммюнике. Города уничтожаются, опустошаются.

Вся эта трагедия переживается Великой Францией, которой все человечество обязано своей культурой и великими идеями. Франция - факел человеческого прогресса, - надрывает душу!

Май. К этому примешиваются личные невзгоды. Моя младшая дочь Евгения Георгиевна уезжает с мужем на юг, чтобы повидать сына, всеобщего нашего любимца Клода, который мобилизован в полк альпийских стрелков, поближе к Италии. В той области Франции [...] живет мама отца в деревушке на высоком берегу Средиземного моря. Старухе [...] уже 80 лет и совершенно естественно, что ее единственный сын пожелал ее повидать и пожить с ней в такое тревожное время. Я была даже рада отъезду моей Женички на некоторое время, чтобы повидать сына и свекровь. Немцы не перешли тогда речку [...] ^a. Казалось, что им далеко до Парижа. Мысль о взятии Парижа нам всем казалась чем-то невозможным, чудовищным, и мы ее гнали от себя, как нечто совершенно неправдоподобное! Дочь моя уехала 2-го июня в автомобиле, которым управлял ее муж. Через двое суток они были в Cagns. По дороге, в городе Vienne, они узнали о бомбардировании окрестностей Парижа, Plessy [...].

Взрыв этот, погубивший около 500 человек и ранивший почти такое же количество людей, отразился и у нас в «Долине волков» ¹⁰. Это было часов в 12, я сидела в своей комнате за завтраком. Вдруг - взрыв, который вызвал сильное сотрясение стены, у которой я сидела. Я поднялась с места, подошла к дверям, а по коридору бегут ко мне [...] старая служащая санатории, добрейший и преданнейший Дому человек, она вся в слезах и бросилась меня целовать. Тут же и Адольф Осипович Дукат ¹¹, Лидия Александровна Либер ¹², умная, преданная, честнейшая хозяйка Дома, и др[угие]. В это время отчаянно редела сирена. Мы спустились в [...] ^b, устроенном в погребе, где собрались все больные и служащие, просидели там с час, старались острить, говорить о всякой всячине, но на душе было тяжело! Оказывается, все больные, которые были на ногах, сидели за обеденным столом в столовой санатории, когда вдруг раздался взрыв, и огонь показался в парке, напротив окон столовой. Когда затихла сирена, пошли смотреть чудный лут и увидели, что большая яма вырыта бомбой около одного из красивейших деревьев парка - американской catalpa, посаженной Шатобрианом; в глубине ямы лежала не то целая бомба, не то обломок. Директор санатории просил публику не приближаться к этому месту, так как бомба может взорваться [...]. Одновременно в другом месте санатории, где жили два служащих санатории, взорвалась бомба на дороге, охватывающей аллею. Силой взрыва образовалась большая - метра в три - excavation, и силой взрыва поднят был большой камень - кило в 10, который упал на крышу [...] ^c и, пробив ее, очутился в коридоре, куда открываются двери живших в здании двух служащих. К счастью, все это случилось, когда жившие в этом здании члены Дома «Долины волков» находились в главном здании. Оба обитателя [...] ^d - старые люди и рисковали, если не жизнью, то сильным нервным потрясением.

^{a-d} Неразборчиво.

Когда Евгения Георгиевна узнала из газет о взрыве в близкой к нам окрестности Парижа, она сильно взволновалась и телеграммой запросила о случившемся, а письмом, полученным на другой день, выразила желание приехать немедленно, чтобы увезти меня подальше от Парижа. Мы немедленно телеграммой известили, что мы живы и здоровы и просим ее не двигаться с места, считая, что пребывание ее в Канне безопаснее. Мы были далеки от мысли, что в ночь с 13 на 14 июня немецкие войска войдут в Париж и что Город-Светоч будет оккупирован, и мы будем друг от друга оторваны. [...]

В ночь с 13-го на 14-е [июня 1940 г.] немцы оккупировали Париж, а 13 утром я воспользовалась поездкой зятя¹³ в Париж и поехала с ним посмотреть дорогой нам всем русским город в трагические дни. Моему зятю надо было получить в одном банке небольшую сумму денег по чеку. Оказалось, что банки все были закрыты: немцы приближались к Парижу. Улицы Парижа пусты, редкие автокары, нагруженные вещами, около которых теснились семьи покидавших Париж жителей, детские повозки с вещами, а рядом шли мужчина, женщина с ребенком на руках. Проездив безрезультатно в течение часа по разным банкам, мы выехали к себе в Chatenay и тут натолкнулись на раздирающую душу картину. Дороги по направлению к [...] Версалью и др[угим] деревушкам и пригородам, лежавшим в этом направлении Сенс[кого] департамента, были запружены разного рода подводами, [...] детскими колясками, редкими автомобилями, за ними следовали женщины, мужчины, дети в маленьких колясках, а большие - на руках родителей, и все это двигалось - куда? Скорее всего, куда глаза глядят, лишь бы не оставаться в Париже, в котором ждали немцев. Лица утомленные, тревожные. Навстречу двигавшейся толпе продвигались фр[анцузские] танки, вооруженные пушками, с солдатами; последние с изможденными, грустными лицами. От времени до времени раздавался крик: «Да здравствует армия!», но публика не подхватывала крика. Равнодушные толпы производило тягостное впечатление: ведь эти уцелевшие солдаты сражались героически и чудом уцелели в неравной борьбе [...].

В эту же ночь немцы вошли в Париж, заняли почту, телеграф. Штаб вошедшей армии занял Дом Инвалидов, где хранится тело Наполеона, и министерство иностранных дел, на которых развешается теперь флаг со свастикой [...]. И это Париж - Париж 1793 г.! Париж Великой французской революции терпит это унижение. Заявление Гитлера, что он будет 15-го июня в Париже, выполнено, он вошел в город-светоч даже раньше на день. Геройски сопротивлявшаяся, но не подготовленная армия не выдержала натиска врага, который набросился на нее лавиной гигантских танков, авионов-бомбовозов с беспощадной силой [...]. Враг сам в своих сообщениях по радио и в газетах, выходящих под его цензурой, хвастает тем, как он расстреливал уходящих солдат в те моменты, когда они скапливались перед мостами для перехода.

24 июня. Сегодня 24 июня, и вот мы живем в местности, оккупированной немцами, уже 11 дней, отрезанные от всего мира, от близких друзей. С большим трудом наладили питание [больных, лечащихся в] санатории, и служащих. Прокормить тридцать человек при закрытых в первые дни оккупации рынках, больших бакалейных магазинах, прекращении доставки городскими [...]а. Все это было утомительное дело. Но кое-как дело пропитания наладилось, хотя

^a Неразборчиво.

качество и количество питания сильно понизилось: мясо дается редко, молоко в обрез, хлеб только одного сорта. Но больные входят в положение, счастливы тем, что о них заботятся, а в общем довольны.

Директор хозяйской части доктор А. О. Дукат, заведующая всем хозяйством санатории, персоналом Л. А. Либер дают себе много труда, берут на себя непосильные работы, служащие тоже добросовестно исполняют свои обязанности, на их долю выпадает больше работы, так как штат пришлось сократить, [он стал меньше] чем до эвакуации Парижа, но [...] [больные санатория] очень ценят заботу о них, об их питании в эти сверхтрудные времена, и в Доме царствуют тишина и гармония. Исключение из этого гармонического целого составляет молодая девушка, итальянка, любимица многих из живущих в Доме больных и моя. Семья ее, испуганная объявлением войны Италией союзным державам и, опасаясь концентрационного лагеря, обрадовалась оккупации немцами Парижа и его окрестностей, уверенная в том, что немцы будут защищать выходцев из Италии. Молодая Эмилена не раз высказывала мне свое беспокойство. Я сама была уверена и ее уверяла, что ничего не грозит ни ей, ни [ее семье, она с] семьей во Франции уже лет десять, она работает, работает ее отец-каменщик и братья на заводах. Франция великодушна, гостеприимна и отнесется, я была уверена, справедливо к рабочим, которые зарабатывают на свою жизнь тяжелым трудом в течение десятка лет. Мой зять, директор санатории, добрейший человек, очень ценивший молодую работницу, он доктор, известный специалист-психиатр, помощник мэра и коммуны [...]а, обещал похлопотать за нее и семью, но страх ее обуял, и когда явились немцы, она, вызванная матерью по телефону, бросила больных, Дом, в котором она счастливо провела ряд лет, где она была оценена и любима. Она явилась жертвой той всеобщей паники, которая охватила все население Парижа, начиная с богатых классов до бедняков. Они имели некоторое основание, а парижская масса, обуянная сильнейшей паникой, разбежалась во все стороны, многие шли, не зная куда, устремляя свои шаги, куда глаза глядят. Исход длился с 11 июня до 19/VI-го включительно и привел к страшно тяжелым трагедиям: были разрешившиеся от бремени женщины, были смертельные случаи от бомбардировок, многие заболели от голода и жажды.

В единственно правильной, выходящей после оккупации Парижа газете «Матен», очень препарированной оккупантами, в №№ от 25, 26-27 июня имеется раздирающее душу описание очевидца страданий парижан, неблагоприятно пустившихся в бегство от врага [...]. Неприятель напал на Город Света, переживший много потрясений и революций в своей истории, с такой быстротой, что администрация растерялась и не приняла необходимых мер к организации исхода [...].

Перемирие заключено сначала с Германией 23-го июня, а с Италией 24-го. Через 6 часов после подписания перемирия оружие с трех сторон положено! С нетерпением и тяжелым чувством ожидали мы все условия перемирия и, наконец, сегодня, 27-го июня, перечень этих условий появился в газете «Матен».

Условия крайне тяжелые. Франция охвачена железным обручем почти на всем протяжении своего тела. Это будет длиться [до тех пор], пока [не] будут подписаны условия мира. А это произойдет когда? Боюсь, что [придется ждать] долго, пока закончится война с Англией. А последняя решила биться до конца [...]. Все это внушает страх за

^а Неразборчиво.

дорогую, родную нам всем, старым революционерам, Францию. Я очень беспокоюсь за то, что тяжелые условия перемирия не дадут разрушенной Франции восстановиться экономически. А между тем оккупированная часть Франции почти разрушена, а она составляет самую богатую часть Франции, Францию индустриальную.

Чувствуется оккупация с первых дней ее осуществления сильно, в особенности морально. Враг мало считается с покоем населения. Наша санатория помещается в 28 км от Парижа. Недалеко от санатория помещается известный завод аэропланов [...]. Этот завод теперь в руках победителей. Там в гаражах стоят их бомбовозы. Отсюда они ежедневно пускаются в путь и летят над нашей головой, т. е. над головой нервных и психически больных и утомленного медицинского и обслуживающего персонала. Первые дни после оккупации нем[ецкие] бомбовозы, истребители [...] целые дни и ночи разрезали над нами воздух со страшным шумом, свистом и не давали покоя живущим в «Долине волков», последние дни мы имеем некоторый покой между 10 часами вечера и 5-тью утра. Больные очень тревожно спят и жалуются на беспощадный шум моторов воздушных птиц-чудовищ. Немецкому начальству известно, что в [...] [«Долине волков» находится] больница для нервных больных; нем[ецкие] офицеры в сопровождении солдат несколько раз приходили к директору санатории [...] как к помощнику мэра коммуны [...] за справками относительно [...] домов, где можно поместить немецких солдат, усталых и больных. Директор санатории, мой зять [...] гордо, но с большим тактом держал себя с нежеланными гостями. Он им дал необходимые указания для их временного устройства, объяснил им характер нашей санатории. Это не мешает им устраивать такую шумиху, которая несовместима с покоем больных, а между тем, наверное, имеется возможность во время пролета над больницей подняться на большую высоту или уменьшить шумы. Но деликатности от них ждать наивно! Впрочем, с населением, судя по газетам, оккупанты ведут себя прилично, не оскорбляют, не задирают их, делают большие закупки в больших магазинах, причем расплативаются марками, считая марку в 20 fr., т. е. снизили цену франка в 3 раза.

28-ое июня. [...] Железнодорожное сообщение восстановлено только в Сенском департаменте. Я на скорое восстановление сношений с Парижем департамента [...] надеюсь мало [...]. Сегодня в течение полудня санатория была без воды, завтрак запоздал. К счастью, после долгих поисков нашли в парке один кран [...], который давал воду (сомнительного цвета). Кран служит для орошения сада, но не для питья. Сильно прокипяченная вода эта все-таки пошла в ход. Кофе для больных и служащих было приготовлено. В чем будет нужда завтра! В сегодняшней газете «Matin» объявлено, что питание населения Парижа и Сенск[ого] департамента будет регулировано следующим образом: мясные закрыты по понедельникам, вторникам и средам. Колбасные продукты будут отсутствовать по понедельникам и вторникам [...]. Эта регламентация касается населения, [как] вообще населения, так и ресторанов; по тем же дням запрещено употребление кондитер[ских] изделий; продажа алкоголя запрещена в ресторанах и кафе три раза в неделю.

Количество блюд в ресторанах уменьшено и сводится к следующему: 1) Суп [...]. 2) Одно мясное блюдо [...]. 3) Сыр, или фрукт, или десерт. В этом же № «Matin» от 28 июня имеется душу раздражающий рассказ о страданиях [населения], эвакуировавшегося по

собственному желанию, или людей, эвакуированных по приказанию [руководителей] заведений, в которых работало население. Смерть старика в автомобиле, молодой девушки от фр[анцузской] пули. Умереть в 17 лет от пули своих соотечественников, спасаясь от немцев! Что может быть трагичнее? А случилось это, по рассказам очевидца, описавшего трагедию исхода парижан в «Matin» за 25-26 и 28 июня [...], следующим образом: лавина парижских жителей направлялась по направлению к Луаре в надежде перейти реку и там найти спасение, но по дороге франц[узский] солдат, регулировавший движение, указал очевидцу, который находился в автомобиле со своим другом Икартом (Icart), боковую дорогу, по которой двигались около 30 автомобилей. Перед этим по большой дороге, по которой двигалась толпа беженцев, навстречу двигалась, отступая и отстреливаясь, французская армия; 10-тысячная толпа беженцев разбегалась по сторонам в леса, поля [...]. Это был арьергард фр[анцузской] армии, которая отступала. Одна пуля попала в вышедшую из автомобиля и непредупрежденную молодую девушку. Это показывает, сколько безумной стихийности было в этом бегстве и что по дороге отступавшими солдатами тоже никаких разумных предостережений [...] не было сделано. Мы присутствуем при странной трагедии: растерялся народ, растерялось правительство и это - Франция, казалось, неузвизмая Франция! Ужас! Жить не хочется!

Сегодня, 28 июня, пришли очень печальные известия: Америка не приходит на помощь ни Франции, ни Англии, которая всю политику своих последних дней базировала на помощи Америки. Американский конвент, собравшийся в Филадельфии, в лице бывшего президента Гувера высказался против помощи Англии, находя, что эта помощь только отложит неизбежное покорение и явится лишним кровопролитием. Против действенной помощи высказался Pittman на Конгрессе (парламент). По его мнению, которое не встретило никаких возражений, Америка не должна вмешиваться в войну, а должна себя оберегать; непосредственной для себя опасности она не видит, если не вмешается активно в европейскую войну. Америка обладает прекрасным флотом, а 3-тысячечильное расстояние не так легко пройти будет противнику, откуда бы он ни взялся. Форд, который несколько недель тому назад заявил, что его заводы могут изготовить 1000 авионосов в день на помощь союзникам, отказывается работать для Англии и прервал свои обязательства по отношению к этой стране. Парламент Англии покидает Лондон. Америка (Соединенные Штаты) приглашает Лондонское правительство устроиться в ее пределах.

Чем все это кончится? Неужели и Англия пойдет в Каноссу?¹⁴ Конец европейской демократии! Ни ум, ни чувства не принимают этого. Что выйдет из всего этого? Разделение мира и федерации народов, конец борьбы за сырье, за пространство или деспотизм 2-3 стран над народами мира? Что предпримет мое отечество? Станет ли оно на сторону 2-3 тоталитарных стран, которые будут держать все малые и крупные, по выдвинутым ими культурам, народы в рабстве или же присоединится к демократиям и восстановит свободу народов, поставив их на путь к социализму, к Интернационалу?

29 июня [...]. Ночью плохо спалось: немецкие бомбовозы с сильным шумом и треском мчались над головами больных санатории. Молодой грузин, который занимает комнату рядом с моей, горько жалуется на то, что воздушные бомбовозы не дают ему покоя. Он страдает болезнью сердца в сильной степени, здоровье его начало было поправляться, а со времени оккупации Парижа и Сенс[кого] департамента и захвата аэродрома [...] плохо проводит ночи из-за шума и треска воздушных

чудовищ. Тут невольно наталкиваешься на грустную истину: что человеческий прогресс и гениальная техника пока идут человечеству не на пользу, а на вред. Этот маленький частный случай является иллюстрацией к этой печальной истине. Немцы знают, что здесь санатория и, при некоторой человечности, могли бы делать маленький уклон, не мучить больных.

30 июня. Вечером по радио, а сегодня по газетам [...] мы узнали, что Бессарабия и Северная Буковина сдались Сов[етской] Респуб[лике] после ультиматума, переданного Молотовым через румынского посла в Москве [...]. Бессарабия вернулась в лоно Российской Республики. При всей своей любви к своей великой Родине, я с глубокой грустью узнала об этом насилии великой страны над маленьким народом, который стремился к своей независимости. Ведь самоопределение народов было одним из символов веры социалистических партий. Как понять этот ультиматум? Не боязнью ли того, что Германия завладеет всей Румынией, если Россия не предупредит этого отнятием принадлежавших ей до Версальского мира областей! Будем надеяться, что бессарабское население не видит в этом переходе большого для себя несчастья и что эта часть будущей советской республики - когда-то часть - наиболее реакционная - царской России, - сделается более культурной и составит Бессарабскую автономную республику, в которой будут процветать наука, искусство, фольклор, как в Армении и Грузии.

Сегодня мне сообщила одна особа, живущая в Plessy, что многие русские-иностранцы, которых приютила у себя Франция в течение долгих лет, работают на захваченном оккупантами заводе, где фабрикуются воздушные аппараты. Главным образом итальянские рабочие и русские. Итальянцы льнут к немцам, потому что боятся быть отосланными в концентрационные лагеря, а русские, работающие там, проявляют себя как холуи, подобострастны: лъстивость, которая противна даже самим немцам. Верно ли это? Не клевета ли? Мне известно, что русские солдаты в рядах французской армии вели себя храбро, были среди них и герои! Но кто его знает: семья не без уroda!

[...] Жизнь санатории течет тихо, каждый живущий в ней из больных, хозяев и служащих старается быть бодрым, а на душе кошки скребут. В смысле питания - неважно. Масла сливочного нет, молока в обрез, мясо редко, но в общем пища здоровая, полувегетарианская, и на мое сердце этот вынужденный режим действует хорошо [...]. Но что будет дальше? Многие фермы Сенск[ого] департамента оставлены на произвол судьбы, скот разбился, посеянная зелень не успела созреть. А между тем, кроме Парижа и департамента, надо кормить больше чем 30-тысячную оккупационную армию, которая обеспечивает себя в первую очередь.

На каждом шагу чувствуется пята немцев, хотя в общем они вежливы, учтивы, как утверждают газеты. Мы это отчасти чувствуем и на себе: недалеко от «Долины волков» устроилась какая-то группа немецких солдат и офицеров для отдыха. Солдаты повадились гуляя, заходить в парк. Это не совсем приятно, ввиду нервности и психического состояния большинства живущих в санатории. Один из наших служащих [...] (помощник повара) встретил солдат и на вопрос, что за дом, сказал им по-французски, что психическая санатория, солдаты не поняли его, тогда служащий санатории стукнул себя несколько раз в лоб, что было красноречивым указанием, какого рода больные имеются здесь [...]. С тех пор солдаты местом своей прогулки выбрали другие места.

В газетах [...] продолжают печататься статьи, описывающие ужасы исхода париж[ского] населения и его возвращение. Голод, внезапные сумасшествия и всякого рода страдания явились уделом этих людей.

[...] В газетах сообщают, что к концу текущей недели будет восстановлено по всей Франции железнодоро[жное] сообщение и почта. Это - радостное сообщение, влившее надежду во многие семьи, оказавшиеся разорванными на части. Но в почтовых конторах Франции, наверное, миллионы задержанных писем из-за быстрой, неожиданно быстрой оккупации Парижа и взятия всего севера Франции [...].

С питанием дело идет неважно. Нет зелени, нет масла, мяса дают в обрез, а нужно кормить около 30 человек. К счастью, наш поздно засеянный овощной сад дает прекрасный салат [...], скоро будем иметь свои огурцы, капусту. Картофель будем иметь через месяц, а то ее достать трудно; с трудом доктор Генрих, надев котомки на плечо, взбирается на кручу ближайшей деревни Chatenay и достает 3-4 кило картофеля. Трогательно видеть его высокую, слегка сгорбленную фигуру с сумой за спиной, идущим пешком в гору, чтобы достать с трудом добываемую зелень, фрукты (вишню, ягоду), чтобы накормить ораву в 30 человек. К счастью был сделан запас макарон, рису, манной крупы, но немецкая лавина нагря[ну]ла так неожиданно, что не подумали о вежетанине, масле в консервах. Теперь вежетанины нет, с трудом выпросили у одной лавочницы фунт на завтрашний день.

Оккупанты захватили все в свои руки; им в первую голову отпускаются продукты, материи; уверяют, что они целые [...] мануфактуры перевозят на своих аэрочках в Германию! Верно ли это? Трудно верить всем циркулирующим слухам-рассказам. Часто эти рассказы - плод больной фантазии - результат настроения перепуганного населения.

Жалко Францию, я глубоко страдаю за французский народ. Он скован по рукам и ногам в оккупированных частях страны. Тяжело за этот геройский народ, который 150 лет тому назад, юный, плохо вооруженный, разбил грозную коалицию. Тогда был энтузиазм [...] в свободу всему миру, народам. А теперь победить Франции помешало, по-моему, то, что она ушла вперед в смысле идеологии по сравнению с Германией, в которой после Веймарской конституции восторжествовал прусский кулак, прусская грубость нравов. Во Франции одной из сильных партий была коммунистическая, самой сильной социалистическая. Война казалась этим двум партиям устарелым способом, слишком варварским способом урегулирования международных отношений. Шли же разговоры об ограничении вооружений, о разоружении. Во Франции передовые партии говорили даже о разоружении одностороннем, в расчете на то, что на безоружную страну не нападут. Это было наивно, но вытекало из благородного идеала будущего. А кот Васька слушает да ест. Германия в лице кота «мотала себе все на ус», пользовалась этими настроениями и вооружалась, вооружалась и использовала последние слова науки для усовершенствования ее военной мощи, в полном сознании слабости своего наивного, слишком идеалистически настроенного врага, напала на геройскую Францию и, благодаря своей грубой силе, завоевала пол[овину] Франции в течение 11 дней. Но я уверена, что Франция Вел[икой] фр[анцузской] рев[олюции], героической Коммуны осталась

a,b Неразборчиво.

морально сильна и она не погибнет. Мир ей слишком многим обязан. Рано или поздно совесть мира проснется и отстоит независимость [...] великой, дорогой нам всем, Франции. Хочу верить, что моей великой родине в этом восстановлении прав Франции, которой мы больше обязаны, чем какая бы ни была страна, будет принадлежать инициатива.

6 июля [...] Правительство [...] обещало, что в начале будущей недели, т. е. начиная с 8-го июля, почта будет восстановлена. Просили население ограничиться открытками или простыми письмами на первых порах, чтобы не загромождать почтового ведомства [...]. Нас окружают люди, семьи которых застряли в оккупированных местах и от них [нет] никаких известий. Мэр нашей коммуны растерял свою семью, которая за несколько дней до оккупации неприятелем Парижа и Сенского департамента двинулась в провинцию.

Дочь одной больной, жившей в санатории, [...] рассказала следующее. Муж ее - директор гаража. В одно утро, за несколько дней до нашего моторизованного врага, главный инструктор гаража отпросился, чтобы проводить одну богатую семью в ее собственном автомобиле в провинциальный город. По дороге их автомобиль натолкнулся на немецкую армию, направлявшуюся к столице Франции. Бомбой, брошенной, должно быть, на отступавшую [французскую] армию, были убиты жена владельца автомобиля и молодая девушка, автомобиль застрял и погиб.

Рассказы со всех сторон о женщинах с грудными ребятами, укрывающихся в лесах, на полях, без воды, без пищи приводят в ужас.

В сегодняшней «Matin» немецкий корреспондент сообщает, что французским беженцам приходят на помощь [немецкие] национал-социалистические организации, их сестры милосердия, врачи. Это возможно. Им надо загладить то впечатление, которое их лавина произвела на воображение парижского населения. Они ответственны за ужасы, переживаемые последним! Надо же им восстановить свою репутацию. В Польше и Чехословакии они вели себя как настоящие варвары! Неудивительно, что Париж и Париж[ский] департамент, предоставленный самому себе, был объят психозом, который дорого обойдется населению.

Газетные известия о морской битве в Оранском порту¹⁵, гибель французских крейсеров от английских орудий, гибель людей в схватке между бывшими союзниками, англичанами и французами, страшно тяжело подействовали на всех! Как это объяснить? Ясно, что англичане не поверили в условия перемирия относительно флота. Это условие гласит: французский флот не забирается немцами, а обязан бездействовать. Это безумие повело к человеческим жертвам! Два недавних союзника уничтожали друг друга! Тяжелая трагедия! Сколько таких трагедий еще наслышимся и как тяжело это переживать!

6 июля. Сегодня, 6 июля, известие о том, что в Румынии перемена правительства и восторжествовала [...] гитлеровская партия! А между тем только месяц тому назад либеральная партия с согласия, несомненно, короля, арестовала лидера этой партии! Несчастливая бедная Румыния! Отчаявшись в гарантии ее независимости со стороны побежденной Франции и дерущейся Англии, она решила полезть тигру в пасть в расчете на его милосердие. Хорошо, что Бессарабия и Буковина избежали этой тяжелой участи!..

Сегодня в санатории кормежка была недурна, было мясо в небольшом количестве, зато картофель, зелень, салат [...] - с собст-

венного огорода, на сладкое кисель из какой-то ягоды [...]. На меня лично этот вынужденный режим отлично действует. Я припоминаю мою беседу с С. Чудновской во время голода в России в 1918 г. На мой вопрос, как она себя чувствует, как выносит пищу: хлеб с соломой, который у меня застревал в горле, сухая копченая рыбка и чечевица, она уверяла меня, что очень хорошо, что хлеб, в котором солома составляла порядочный процент, был ей полезен: излечил ее [...]. Она выносила эту пищу и умерла двенадцать лет спустя в санатории престарелых ученых, где пища была очень хороша¹⁶. Организм человеческий скрывает от нас много тайн [...].

Французы называют то, что происходит во Франции в правительственном мире, революцией. Революция, но какая? Во вторник, 9 июля, т. е. через два дня будет обнародована новая Конституция, основные положения были сегодня приведены по радио. Конец парламентаризму! Власть сосредоточена в одном лице и выбранных этим лицом советниках. Правительство будет заботиться о семье, рабочем классе и направит свои удары против плутократии, евреев! Это программа вождя Германии, и свободолюбивая Франция после [17]93 года, В[еликой] Ф[ранцузской] Р[еволюции]; коммуны, после ста пятидесяти лет борьбы за свободу, равенство и братство (политическое) снизится к самой худшей деспотии, которая когда-нибудь существовала, с его кортежем: преследование рабочего движения, избиение евреев, уничтожение свободы печати, слова, собраний, ассоциаций. Франция до этой проклятой войны была самой свободной страной мира, в ней можно было мыслить, писать, говорить, не оглядываясь по сторонам [...].

Во что она обратится при тоталитарном режиме? В страну рабов! [Сердце] содрогается при одной мысли об этой перспективе.

В газетах продолжают ужасающие рассказы о возвращающихся в Париж и департамент беженцах. Немцами подчеркивается, что национал-соц[иалистская] помощь прекрасно организует питание и мед[ицинскую] помощь возвращающимся. Нем[ецкие] сестры милосердия и немец[кие] врачи работают вместе с франц[узским] мед[ицинским] персоналом. Это хорошо, но в столице, благодаря оккупантам, которые забирают молоко, мясо, масло, питание населения скудно: в санатории для больных мяса сегодня не было, масла сливочного достали 1/4 фунта на 30 человек. Готовят на вегетариане и некоторые из больных начинают жаловаться на тяжесть в желудках [...].

Сегодня Лида и Генрих отправились за молоком и всякой провизией в автомобиле в деревню [...], предложили мне поехать с ними. Я охотно согласилась, так как слишком засиделась в «Долине волков» и кроме долины, больных никого не вижу. Мы выехали [...], и мне представилась картина глубоко интересная и глубоко драматическая. Я в первый раз в моей долголетней жизни нахожусь в оккупированном неприятелем городе, и тут мне представилась бесконечная вереница фургонов, наполненных немецкими солдатами с ружьями в руках, такси, мотоциклеты, кареты, санитарные автобусы, наполненные солдатами, закрыты плотно серыми парусиновыми чехлами автомобили с военным начальством. Солдаты - одна молодежь - встречаются почти мальчишки на вид; солдаты стройные, держат себя прямо, упругие талии, аккуратно одеты и вид бодрый, здоровый, с улыбкой победителей. Все это с шумом, треском протекало мимо нас. Что это было - проезд, чтобы произвести на население страх, впечатление силы, или, как предполагает Генрих, это немецкие войска

и орудия идут с Луары, из Лиона и других забранных частей Франции, все это устремилось на западный фронт против Англии.

Солдаты в одиночку сидят в ресторанах, в кафе за столиками. Население, девушки, которых было довольно много на улицах по причине воскресного дня, рассматривают [...] любопытно, без вражды, но грусть, озабоченность замечается на этих лицах. Впечатление от всего этого жуткое, тяжелое: Франция находится в железных рукавицах завоевателя [...]. В чудной деревне-городке Vannety [...] несколько тысяч военнопленных, которых завоеватель не выпускает, пока не установится мир! А когда он установится? Если заключение мира связано с окончанием войны между немцами и англичанами, то это может продлиться долго, так как Англия, по всей видимости, не намерена сложить оружие перед современными варварами. Но судьба двух миллионов военнопленных - цвет франц[узской] крестьянской, рабочей и интеллигентной молодежи - может заставить Францию добиваться мира, и [Франция] примет его, каковы бы ни были его условия! А завоеватель этим воспользуется, напрасно человечество будет ждать от него великодушия. Лучшие люди Германии ушли из этого мира: нет больше Гете, Гейне, нет больше Маркса, Энгельса, Либкнехта, Зингера¹⁷. [...] При жизни этих людей, которые воплощали в себе Великую Германию, которые, начиная с середины прошлого столетия, были факелом, освещавшим умственный и социальный путь человечества. С конца 1918-го года национальный эгоизм взял верх в этом великом народе, и железный кулак восторжествовал. Все пошло на смарку! Все идеалы о совершенном человечестве, о федерации народов! О справедливом распределении богатств земли. Все научные открытия пошли на усовершенствование орудий взаимного уничтожения, а Лига наций потерпела крушение¹⁸ [...].

Эта ночь была спокойна в «Долине волков». Немецкие бомбовозы точно обходили долину, летали на периферии, или авиационное начальство допустило ночной отдых для авиаторов. Но днем прорезывали небо целые эскадрильи в 12-15 авионов, направлявшиеся то на запад, то на восток. Шум, шипение, вызываемые их прохождением, сильно нервнируют больных, в особенности моего соседа, молодого грузина, страдающего сильной болезнью сердца. Приходится прибегать к снотворным, чтобы дать ему возможность поспать несколько часов. Зато пища улучшилась в санатории. Достали даже кило сливочного масла! И какое было ликование среди больных, которые, в общем, ведут себя разумно, входят в положение вещей, не капризничают. Имеется и мясо, но не ежедневно; три раза в неделю его достать нельзя [...].

Как Франция выйдет из гнетущего тяжелого положения? В особенности угнетены неарийские элементы, мне приходится всячески успокаивать их; ведь Франция - не Чехословакия и не Польша. Это великая страна, шедшая в течение 150 лет во главе человечества, и она не допустит у себя расовой реакции, как бы этого ни добивались победители.

[...] Появился проект конституции для фр[анцузского] народа. Суть его - конец демократии, уничтожение полит[ических] партий, диктатура исполнит[ельного] комитета из 3 лиц! На смарку: «Декларация прав человека» Великой фр[анцузской] революции. Конституция эта скопирована почти с итальянского фашизма! Пока только проект! Через 3 дня Национальным собранием после дискуссии будет решено ее принятие. Пока против проекта высказались два социалиста и один радикал-социалист.

9 июля. Все в том же положении. Сильное движение замечается в жизни оккупационных властей. Вчера мне передали друзья, посетившие гараж, где хранятся автомобили, оставленные беженцами-французами во время их исхода из Парижа. Известно, что на пути исхода беженцев из Парижа и Сенского департамента была такая давка, такое столпотворение, что остановиться на несколько минут, чтобы поправить пострадавшее колесо или поправить мотор, было совершенно невозможно: на остановившийся автомобиль, или автобус или телегу наскакивали, опрокидывали его и, чтобы избежать несчастия, собственники или пассажиры этих способов передвижения, оставляя их на дороге, а сами отправлялись пешком, уходили в ближайший лес в ожидании затишья в этом ужасном столпотворении. Одна из моих знакомых француженок, уезжавшая с детьми из Парижа, вынуждена была оставить на произвол судьбы одолженный ею у друзей автомобиль. И вот она поехала на его розыски. В гараже работали над починкой накопленных автомобилей французы-пленники. Тут оказалась масса испорченных машин, кузовов, колес, частей. Рабочие заявили, что она навряд ли [...] его найдет: годные забрали оккупанты для своих надобностей; испорченные чинятся ими же, т.е. рабочими для них же. Моя знакомая уехала ни с чем, очень огорченная, так как найти одолженный ей друзьями автомобиль нет надежды, а средств на покупку даже подержанной машины у нее нет. По словам рабочих все годное забирается [немцами].

Вчера моя знакомая [...] рассказала мне, что случайно попала на парад оккупационной немецкой армии, готовящейся к выступлению 14 июля. Во главе манифестации будет находиться «вождь», который специально приедет для этого торжества. Признаюсь, мне это кажется невероятным. В день национального французского праздника, в день празднования В[еликой] ф[ранцузской] р[еволюции] показать французскому народу, что он побежден, скован по рукам и ногам — это утонченное издевательство, утонченная месть. Я думаю, что тут кроется ошибка.

11-го июля. Выходят газеты [...], от всех отдает духом оккупантов. Всячески стараются натравливать французов на англичан! «Разделяй и властвуй». Рассказывается в «Matin» невероятная вещь, в передовой сегодняшней газеты: будто панике парижского народа перед нашествием немецкой моторизованной армии способствовала Англия, целью которой было уничтожение Франции, а правительство французское, т.е. Рене Рейнольд будто дало приказ жандармерии гнать население, в особенности граждан от 20 до 50 лет... Это неверно. Совершенно наоборот! Правительство всячески успокаивало население, удерживало его от бегства. Правда, надо было действовать энергичнее! И отдельные полицейские служащие, сами перепутанные, могли дать глупые советы, настраивать население. Так было с прачкой санатории, ей и ее мужу местный жандарм посоветовал покинуть Париж, что она [и] сделала; намытарствовалась и, пробравшись до нижней Луары и прожив там несколько дней, вернулась, чтобы приняться за работу, но за время своего отсутствия растеряла своих работниц, которые, оставшись без хозяев, перешли на [...] помощь государства. В санатории все благополучно, в смысле питания дело улучшилось: появилось сливочное масло, сахар в достаточном количестве, мясо можно иметь лучшего качества. Нет только фруктов! В Париже и департаменте, в которых фруктов было всегда в изобилии. Объясняется это тем, что многие фермы с фруктовыми садами оставлены были без призора и фрукты были расхищены солдатами и беженцами, отсутствием подвоза, но мы надеемся, что этот вопрос войдет в норму и на рынках появятся

фрукты. Но эти недостатки - ничто по сравнению с нравственными страданиями и, так сказать, нравственным шоком парижского народа [...].

12-13 июля. Мы все волновались при мысли, что в торжествах 14 июля примут участие оккупационные войска с своим Fuhreг'ом во главе или без него, что сведет праздник годовщины В[еликой] ф[ранцузской] р[еволюции] к торжеству Германии над Францией. Это нам казалось невероятным по своему оскорбительному значению [...]. Мне думалось, что франц[узский] народ, если он не погиб морально, не может выдержать такого оскорбления, могут выйти столкновения, прольется кровь. Все мы считали, что лучше, чтобы Париж не праздновал этого дорогого ему дня, а скорее посвятил его трауру по миллионам погибших и находящихся в плену воинов.

Избрали новое министерство - преобладают умеренные и правые элементы. Президент Республики отказался от своего поста, или, как уверяют, его заставили отказаться. Во главе правительства тройка: Petain, Laval и Margnet. Будет избрана chambre из корпораций. Министерство критикуется [...] газетами и частными лицами [...].

Газеты, «инспирированные» победителями, поддерживают их стремление к народным интересам и к борьбе с плутократиями. А кто, как не плутократия дала возможность торжествовать национал-социализму и возвышению вождя [...]. Бедная Франция! Нет твоих талантливых сынов!.. Но я верю, что Франция не пропадет, она воскреснет!..

Во Франции в крайне левых партиях царил оптимизм [во взглядах на] близость осуществления надежды будущего: больше не должно быть войны, после ужасов войны 1914-1918 гг., когда многие [впоследствии] павшие герои были проникнуты надеждой, что их дети войны не увидят, что они гибнут за человечество в последней схватке, проповедовали разоружение, доходили даже до [пропаганды] абсурдного одностороннего разоружения (!), чтобы показать пример другим нациям. Не нападет же на нас враг, если он будет знать, что мы решили не сопротивляться! Это международная толстовщина кажется невозможной, когда среди наций имеются нации-волки, зарящиеся на богатство ближнего! Надеялись на Лигу наций, но она оказалась слабой, иллюзорной, так как не имела вооруженной силы, а нравственный авторитет в вольшем мире недостаточен.

Эти иллюзии, эта идеология будущего привели к тому, что Франция не вооружалась против хитрого, вероломного и организованного врага, а предалась социальным реформам, улучшению положения своего рабочего класса. Перед нами предстала эпоха борьбы римлян и варваров. Таковы мои впечатления.

Оккупанты держат Францию в сильных тисках. В газете «Matin» от 16-го июля имеется характерная статья: крайняя сдержанность газет Франции в оценке политики Франции. Автор статьи недоволен тем, что генерал Вейган¹⁹, обращаясь к демобилизованным войскам, сказал: «Ваша роль еще не кончена». Это показалось автору статьи подозрительным. Он пишет, что Германия еще не сказала своего последнего слова в своих требованиях от Франции. Первым делом, - пишет немец - автор статьи, - должно быть признание со стороны Франции того, что Германия в будущем должна играть первенствующую роль в Европе, и чтобы Франция перестала думать о реванше. «Франция должна дать гарантии Германии, что ее вредная для Германии политика не будет продолжаться в будущем» («Matin», 16 июля) [...].

17 июля. Начались и в Париже гонения на евреев - уродство, которого так добиваются немцы.

Началось! Мне думалось, что в Париже, в «городе-светочах» [...] порядки, введенные победителями в Польше и несчастной Чехословакии, невозможны. Неужели я ошиблась, и Париж и его население все это будут терпеть! Это позор! Все достижения цивилизации идут на смарку!

18-го июля. Характерен следующий факт, как проявление распоясавшегося победителя: в «Matin» от 18 июля и «Paris-Soir», появившемся сегодня, появилась возмутительная заметка, вот ее содержание (сделать вырезку из «Paris-Soir» [...]) по поводу слова священника из Тонона, который осмелился сказать своим прихожанам [...]а: «Прощаю умершим за Францию и тем французам, которые как военнопленные, мучаются, оторванные от своих семей и родителей, жен и детей, и умирают в немецких тюрьмах и концентрационных лагерях!» Какое преступление! Как смел священник так несправедливо отозваться о победителях! И следует ряд угроз французскому народу, пусть не забудут, что они в наших руках! Все это в высшей степени неэтично и бестактно. Ведь даже побежденным должно дать возможность плакать над своим горем, над потерей близких людей, над страданием родины и по человечеству - нельзя отнимать у него надежды отвоевать свою свободу [...]. Победители точно задались целью укрепить во французском народе свою репутацию грубости и беспощадности. Этой репутацией в значительной степени объясняется почти повальное бегство парижского населения при нашествии немцев. Впечатления от желания прийти на помощь беженцам и несомненные услуги, оказанные ими бежавшим в панике парижанам, уничтожаются от грубых окриков в инспирированных газетах при малейшем проявлении патриотизма и законных требований фр[анцузского] общества.

На днях появилась статья в «Le Temps» с совершенно законными соображениями на счет разделения Франции на Францию, оккупированную и не оккупированную, и выражено опасение, что это разделение может отразиться очень плохо на ближайшем будущем страны, на ее экономической жизни. И что же ответили победители на вполне естественные опасения этой серьезной официальной газеты. Бранью и угрозой!...

19-20-21 июля. От Женечки несколько карт, последняя датирована 18-ым июля. Не ошиблась ли она? Сегодня 22, значит, через четыре дня дошла карта из второй, т.е. не оккупированной Франции. Там [...] все спокойно, судя по ее письмам, хотя, по слухам, Италия заняла Ниццу, а также Савойю. Верно ли это? Все возможно. Франция воевать не может, а Муссолини²⁰ ждал ее ослабления [...]. Этот бывший крайний левый, один из редакторов соц[иалистического] органа «Avanti!» оказался Макиавелли в кубе. Долго он не принимал решения, несмотря на настояния союзника, ждал, кто возьмет верх из воюющих стран, и произнес свою речь, которую ждал с нетерпением мир и в которой он должен был высказаться за и[ли] против участия в войне, и выбрал момент, когда Франция была уже при последнем издыхании, чтобы воткнуть ей нож в спину! Вот так поступил рыцарь без страха и упрека! Не стоило проходить социалистическую школу, чтобы прибегнуть к методам венецианских [...]b.

Я очень люблю Италию и итальянский народ и мне тяжело и стыдно, что [от] его [имени] выступает человек, не стоящий его, человек без принципов, изменник социализму, уничтоживший в своей стране свободу личности, мысли и превративший свой народ в рабов. Главный руководитель и вдохновитель «Avanti» должен был бы идти с демократиями, а не с деспотиями, не признающими свободы ни в какой сфере, [...] ^a права народов на самоопределение, уверенного в том, что малые народы не должны существовать самостоятельно, а быть в подчинении у крупных. Словом, чему социализм и Маркс учат, [...] ^b пошло насмарку.

Во всех газетах высказываются о речи «вождя». Эта речь оценивается как угроза Англии, все советуют ей не играть с огнем и уступить.

Трудно оценить силы Англии, страшно за нее, но вместе с тем чувствуешь глубокое нравственное удовлетворение, что эта образцовая демократия не поддается запугиваниям, а, рискуя своей свободой и благополучием, борется за лучшее, что есть в мире, приобретенного цивилизацией, свободу своего народа и гордо выступает против силы [...] моторизованного Чингисхана.

[...] Мюнхен был большой ошибкой со стороны Франции и Англии, которые проявили наивное доверие к заверениям Германии, забыв, что это не Германия Бебеля, Либкнехта, Зингера и Энгельса, а Германия «вождя» и его своры, которой ничего не свято [...].

Речь эта - плод мести [...], жестокости и ханжества. «Вождь» против капиталистов, а кто помог перевороту в [19]33 г., если не капиталисты? Вызывают худшие чувства у человечества гонения на евреев, и в этом отношении проявляют ту же узость, которую проявлял царизм, и калечат молодые силы, идущие за ним. Это возврат к средневековью и мракобесию. И это Германия Гете, Гейне, Бетховена, Баха. Если бы эти гении проснулись от вечного сна в теперешнюю эпоху, они попросились бы обратно в могилу. Это полный декаданс. Цивилизация не приводится только к умению фабриковать «Берты», «Мессершмитты» и другие орудия уничтожения человечества. Это позор!

Что касается конца речи [Гитлера], то это сплошная «тартюфщина». Он жалеет человеческие жизни, невинные жизни женщин, детей и т.д. Все это ложь, ложь и ложь! И я не могу понять, как наша страна берет эту лживую речь всерьез и советует Англии помириться и не дать себя погубить. Англия заступает за все униженные, оскорбленные и уничтоженные народы: за Чехословакию, Польшу, Норвегию и др. Если бы человек человеку не был волком, а торжествовали бы принципы и права народов на самоопределение, то Англия должна была бы оказать помощь всем народам. Она сражается одна, и это ей делает великую честь!

Чем все это кончится? Каждого из нас [...] охватывает железный обруч, не дающий ему дышать, со всех сторон слышатся стоны, в интеллигентных и правящих сферах растерянность, полное незнание того, что затевается, как выйдет человечество, как выйдут отдельные страны из этого ужаса! Что будет завтра?!!

Материальная жизнь в столице и департаменте налаживается, почта функционирует. Продукты имеются, но жизнь не налажена, сообщений нет. Семьи разрозненны. Вчера мы получили карту из Марокко. Оказывается, сестру мою с семьей увезли в Касабланку.

^{a, b} Неразборчиво.

Почему? Что их заставило покинуть насиженное место в Париже и уехать за тридевять земель. Я знаю, что она ко мне очень привязана и что это решение стоило ей больших колебаний и мук!

А немцы ведут себя здесь, как благодетели, мнят себя освободителями рабочего класса. В их иллюстрированном журнале «Das Signal» № 7 за 1940 г. имеется иллюстрация [...], [на которой] изображена процессия рабочих с женами и детьми, и их сопровождает немецкий солдат. Рабочие требуют хлеба! И это немцы - их отцы и благодетели - дадут им хлеба! Это нахально и неискренне! Они, которые разрушили 2/3 Франции, смеют выставять себя как благодетелей.

23 июля. Скверная, холодная, сырая погода. Точно октябрь в Ленинграде. Скверно на душе. Не пишется, не работается. Погружаюсь в «Войну и мир» Толстого [...].

Меня интересует и мучит вопрос, как объяснить то, что страна, которая с 48-го года прошлого столетия шла во главе умственного и социального движения мира, страна, из которой вышел марксизм, страна, которая шла во главе современного социального движения, после шестидесяти лет поступательного движения, по пути рабочего движения, остановилась и пошла за военной силой, воплощающей в себе грозную, разрушительную военную силу, несмотря на свои обещания рабочему человеку.

Мы не можем ошибаться насчет того, что миру угрожает узкий, всепоглощающий национализм - стремление одной нации диктовать законы миру.

Некоторую разгадку этого исторического противоречия я нашла [...]. Древнее германское племя, смешавшееся с кельтами, рассыпалось, теснимое с востока на запад разными племенами, и разделилось на ряд колонн (англосаксы, бельгийцы, финны и т. д.), заняло балтийские земли, острова на Атлантическом океане - теперешняя Англия, земли на берегу Северного моря. Из этих подразделений [...] часть вестготов и остготов, наиболее способная [их] часть, смешавшись с кельтами, осела на земле между Северным морем и Апеннинским полуостровом и Балканским, в котором осели славянские племена. Географические условия земли, занятой этой частью германцев, крайне неблагоприятны: нет естественных границ, кроме небольшой части Северного моря, границы доступны инфильтрации чужих племен, нет естественной защиты. Узкие пределы избранной для поселения земли повлекли за собой эмиграцию этой части германцев в разные места Европы и Азии. Немецкий народ рассыпался колониями: в Польше, России и т. д. Эта рассыпанность помешала объединению этой части германцев. И в то время, как другие народы достигли своего объединения в 17-м - 18-м веках, Германия объединилась в 1870 г. при Бисмарке. Дальнейшие ее попытки к объединению и к экспансии закончились крахом. Кроме того, из германских племен то, которое осело в Германии, удержало от древнего племени между положительными качествами (энергия, организованность и др.) и отрицательные. Среди последних: пережиток антихристианских верований, грубость, мстительность, боевые наклонности и т. д. Эти пережитки составляют сущность характера теперешнего германского народа. Все эти черты, оставшиеся в глубине немецкого народа, объясняют жестокость подавления попытки коммунистического переворота 1920-1922 гг., стремление к реваншу после Версальского договора, несмотря на ряд уступок со стороны победителей мировой войны. Все вышесказанное объясняет отчасти появление вождя и то, что за ним идет германский народ, я не говорю,

чтобы в целом, а в значительной своей части [...]. Но над этим надо еще [...] подумать.

Передо мной стоит вопрос: были бы возможны события, пережитые нами [...] [после] Мюнхенского [...] [сговора], если бы жили Engels, Либкнехты (Вильгельм и Карл), Зингер и др[угие] основатели 1-го и 2-го Интернационалов.

Сегодня я спустилась с долины и пошла по большой дороге [...]. Дорога, обыкновенно очень оживленная, почти пуста. Встретился молодой солдат на бицикле, солдат [...] вежливо поклонился. Встретилась старуха, тоже поклонилась, хотя я с ней незнакома. Я с ней заговорила, но она ответила, что не говорит по-французски. Она изспанка. Гостеприимная Франция немало приютила у себя изгнанников со всего мира! И это ей не забудется. Я хочу надеяться, что со временем все народы и отдельные личности, знающие цену свободы, окружают ее [заботой] и помогут ей стряхнуть с себя душащего ее победителя.

В газетах нападки на Англию за то, что не хочет гитлеровского мира, не верит в его обещания. Очень возмущены Черчиллем, все народы, но этим сведениям нельзя верить. Газеты пишутся и редактируются в оккупированной Франции победителями. А что пишется и говорится вне этой части Франции, никто ничего не знает.

Австралия и Южно-Афр[иканское] государство - за продолжение борьбы. Я думаю, что сочувствие к Англии и ее борьбе, геройской, самоотверженной, большое и что ее борьба кончится победой. Победой права над насилием. Положение Англии, несомненно, тяжелое, она окружена германской эскадрой, блокадой. Как подъедут к ее берегам войска, посылаемые ей на помощь Канадой, Африкой, Австралией? Но внутреннее чувство говорит, что Англия не погибнет и спасет Францию и мир.

24 июля. Тяжелое чувство не проходит. Долго не засыпаешь, думая о судьбах Франции... Ото всех слышишь, что Франция не была в борьбе на высоте, она не представляла себе величины опасности и в то время, как Германия знала всю подноготную Франции, эта последняя положила на какие-то несбыточные надежды: мягкость врага, его внутреннюю разлагаемость, бедность населения, которое не способно на большое усилие, и тому подобные. А между тем французы проявляли часто чудеса храбрости на поле сражения. Находились ли на этой высоте военный штаб, офицерство? Между тем, распоясанности, бестактности победителя нет пределов. Из них выскакивают темные силы, под влиянием которых ищут виновных в евреях, в Народном фронте, в парламентаризме. На эту тему пишут в газетах ежедневно, явно инспирированные победителями статьи. Эти статьи имеют успех, говорят, в малосознательных массах и могут повести к тяжелой реакции в стране В[еликой] ф[ранцузской] революции, в стране Вальми, Вердена²¹, в стране, которая давала приют от смерти и тюрем борцам за свободу.

25. Вчера я ездила с дочерью и зятем по Парижу. Париж производит тяжелое впечатление. Он пуст. Встречаются пешеходы на больших бульварах, в автомобилях и автобусах немецкие солдаты. Немецкие музыканты выстроились перед Grand Opera для концерта, но мы заметили, что площадь перед оперой почти пуста. На лицах французов и француженок не замечается улыбок, не слышно смеха, на лицах - печать озабоченности, грусти.

Мы заехали в Cinema, где немцы знакомят с ужасами войны, видели вождя, который в сопровождении небольшой свиты взбирался по лестнице храма «La Madeleine», а потом вышел со своей свитой; на

площади пусто, кроме небольшой группы немецких солдат, которые кричали «Хайль!» По-видимому, вождю не совсем приятно в занятом Париже среди сухого населения^а.

Среди [кино]картин имеются душу раздирающие картины разрушения городов Франции. Представлены негры-военнопленные с несчастными грустными лицами, и под этой картиной бестактная, бесчувственная надпись: [...] цивилизаторы Франции. На меня крайне тяжело подействовало это издевательство. Я сильно пожалела о том, что пошла [в Сinема], и не посоветовала [бы] французам идти смотреть эту ложь. Но мой зять находит, что это интересный документ. Может быть...

4 августа. Целый ряд дней не писалось. Всё одно и то же. Тягостное состояние духа вызывается моральным состоянием страны. Как в болоте в сырую, скверную погоду выплывают всякие вредные гадоcти, появляются зловредные насекомые и опасные бациллы, [так и] поражение Франции, Парижа вызвало всякую моральную нечисть: появились статьи против масонской ложи, которая очень малое влияние имеет во Франции, [против] движения социалистов и демократов, нападки на евреев-депутатов парламента и сената, а главное, появилось очень сильное антисемитическое движение в газетах [...]. Все приобретения В[еликой] Ф[ранцузской] Р[еволюции] идут на смарку, а Франция пока молчит. Она задыхается и материально и идеологически в тисках захватчиков [...].

Чем больше вдумываешься, тем больше убеждаешься [в том,] что мы имеем дело с разной психологией двух борющихся народов: психология моторизованного Чингисхана, с одной стороны, и [психология] демократических социалистов - с другой. Надо разоружиться, пора человечеству избавиться от ужасного бедствия, которое представляет собой война. Мы разоружимся, и другим народам стыдно будет напасть на нас невооруженных - вот что думала и говорила передовая Франция. [А] Васька слушает да ест. Все это наивно! Ох, как наивно!

[...] Одна причина французской катастрофы - это ошибочные расчеты фр[анцузского] Главного штаба на ослабление Германии от войны в Польше и в Норвегии. Германия не только не ослабела, но усилилась, благодаря добыче и военнопленным. Другая причина: Франция не предвидела, что германское наступление пойдет [...] вниз до Седана, а потом, сделав изгиб, двинется к Sambre, обхватив, как тисками, франко-англо-бельгийскую армию, захватит наилучше укрепленную крепость Lille и, прорвав несложную часть укреплений между Францией и Бельгией, очутится в сердце Франции, направится к морю и захватит север Франции. Этот маневр увидел, когда уже было поздно, генерал Гамелен²², и ничего не мог сделать талантливый полководец Вейган. Немецкие оккупанты шли с быстротой, нежданной для французского Главного штаба, а между тем, это надо было предвидеть. Правда ли это? Верно ли мнение немецкого военного - автора статьи? Это покажет будущее. Автор статьи забыл упомянуть об измене бельгийского короля, что свелось к изъятию 200-тысячной армии из сил союзников.

5-ое - 7-ое августа... Та же атмосфера моральной тяжести от разврата, который сеется победителями в печати: в газете, считающей себя творческой²³, пишущей о «Новой Европе», «О новых экономических порядках» [...] появляется 2-го августа 1940 г. статья, напоминающая «средние века». Цель этой гадкой статьи: [...] вызвать

^а Имеется в виду сдержанное отношение французов к оккупантам (публ.).

среди нуждающегося парижского населения ненависть к евреям, погромы. Это напоминает самые мрачные времена царизма! Бедная Франция! Этот разврат, это понижение нравственного уровня благородной французской нации [...] доходит до невероятных фактов. Пример: один собственник оптического магазина вот уже недель пять доказывает, что он не Issac, а Lissac, и что он происходит из старой французской семьи, он - не еврей, а истинный француз, истинный ариец. И это доказывается на протяжении ряда дней в разных газетах! Ну может ли быть что-нибудь унижительней! Трусость, боязнь за себя, семью [пере]шла у этого несчастного обладателя оптической лавки всякую границу! Не средние ли века возвращаются?

Неприятное известие появилось в газете 5-го августа: почтовые сношения между оккупированной и неоккупированной частями Франции прекращаются на неопределенное время. Опять части разорванных семей не будут ничего знать друг о друге, опять беспокойство [...]. Чем объяснить такое бездушное распоряжение? Почтовыми затруднениями или нежеланием победителей, чтобы неоккупированная часть Франции влияла на оккупированную. Чувства зависимости, гнета, боязнь и трусость известной части французского населения уступают [место] надеждам на будущее Франции под влиянием писем, газет независимой части этой благородной страны. Этого как раз не хотят победители. Последним нужно полное подчинение той части Франции, которую они взяли, благодаря обману, макиавеллизму, танкам и бомбовозам-душегубам, не личной храбрости немцев - в этом отношении французы превзошли во много раз нападающих, [и] полное моральное падение побежденных. Победители обесценили франк, чтобы лучше грабить население. Они забирают все: галантерейные товары, жиры, молоко. Перед молочными - громадные хвосты. Прокормиться самому населению после панического бегства фермеров, мясников, закрытия фабрик, заводов - трудное и тяжелое дело. А тут еще оккупационная армия тысяч в 30-40 человек, требующих питания, одежды. Париж сделался нищим: с трудом достаем пару чулок, пару ботинок. Питание крайне ограничено. Нет сыру, в обрез молоко, употребление мяса дозволено только 4 раза в неделю. Немцы, по общему убеждению, увозят все в Германию и на театр военных действий с Англией.

Тяжело читать теперешние газеты, в которых сбивают население оккупир[ованной] части страны с толку. Эти газеты стараются убедить малосознательную и наиболее пострадавшую часть населения, что Англия во всем виновата, что это она вовлекла Францию в войну и довела ее до катастрофы [...]. Насколько мне известно, население поддавалось вначале на эту удочку. Теперь газетам, инспирированным или составленным оккупантами, не поддаются.

Франция пережила и перестрадала причины войны. Ни Франция, ни Англия, старые демократии с сильным рабочим движением, не могли допустить, чтобы страны-хищники топтали принцип самоопределения народов, превращали в нации рабов все малые нации. Они, т. е. две старые демократии, гарантировали целостность Чехословакии, Польши, Румынии, Турции не для того, чтобы иметь в своих руках гегемонию в Европе, но чтобы народы эти спасти от порабощения. И Англия, и Франция были наиболее верными членами Лиги наций. Мюнхен был проявлением слишком большой доверчивости со стороны обеих стран. Они наивно думали, что Германия успокоится, если уступить ей Судетскую область, и мир не будет нарушен. Они пошли на уступку, которая была фатальной; хищник, схватив в зубы жертву, уже не выпустил ее, а проглотив ее, начал пожирать направо и налево: Польшу,

Норвегию. Война сделалась неизбежной. [...] Значит, это обвинение [в развязывании войны] надо бросить не Франции и Англии, а Германии и последовавшей за ней Италии. Линдберг, известный американский герой [...], в речи, произнесенной на публичном собрании в Нью-Йорке 5 августа 1940, высказал мысль оппортунистическую, а именно: Соединенные Штаты должны всегда идти с теми европейскими странами, которые являются доминирующими. Только идя с доминирующими странами во всякое данное время, Америка предупредит конфликты и добьется мира, необходимого для всемирной цивилизации. А так как, по всей видимости, отныне будет доминировать в Европе Германия, то Америка не должна рвать с ней и не должна вмеш[ив]аться в войну, чтобы помочь Англии. [...] По мнению Линдберга [следует], что Германия и Италия имели право добиваться путем уничтожения гегемонии демокр[атических] стран установления своей гегемонии. Но это рассуждение не выдерживает критики. Доминирующие теперь страны, [превратившись в] разбитые и ограбленные, через десятка два лет, собравшись с силами, вступят в борьбу с ограбившими их странами, и цивилизация подвергнется новой опасности. Тут один выход - усовершенствованная «Лига народов», которая должна создать такой экономический режим между народами мира, чтобы богатства природные (земля, залежи, леса и т. д.) были справедливо распределены между народами; в [ее] принципе должно лежать равенство народов, как в соц[иалистическом] идеале лежат уничтожение классов и равенство людей. Великая идея Вильсона²⁴ не осуществилась потому, что человечество еще не доросло до нее. Первыми оставили Лигу наций народы-хищники, и между ними первыми, сколько мне помнится, Германия, а потом Италия, которая решила задушить и ограбить Эфиопию, затем последовал выход Японии и т. д. Правда, из этих трех народов два - талантливые и имеющие богатое прошлое. Теперешнее положение их тяжелое. Многие из немецкого народа и итальянского не находят себе места на своей земле и вынуждены искать себе средств к существованию у других народов. Но не убийствами и грабежами достигнут эти народы человеческих условий существования. Я часто думала о талантливейшем народе Востока, японцах, которые в относительно короткое время достигли высокой культуры и которых природа наделила землей, время от времени взлетающей на воздух, и при этом разрушаются и погребаются [под землей] дома, фабрики, заводы, произведения искусства. А между тем, она, [Япония,] находится в соседстве с громадным государством, занимающим шестую часть света, в котором часть [территории], примыкающая к Японии, мало заселена; в ней имеются места, в которых насчитываются 2-3 человека на гектар! Казалось бы, почему ни отвести этому талантливому народу место, где бы можно было поселить ту часть японского населения, которая наиболее подвергается опасности от своей вулканической почвы. Но подобное отношение к соседнему народу может наступить только тогда, когда в человеческих отношениях будут царствовать не эгоизм и хищничество, а сознание всеобщности человеческих интересов и великого назначения человечества: высшая цивилизация и счастье народов. Но до этого еще далеко. Что мы теперь видим? Эгоизм, месть, стремление к унижению противника. Распоясавшиеся оккупанты во Франции находят преступным, если французы выражают надежду на то, что их страна воскреснет, освободится от гнета победителя. С чем это сообразно! Мы еще дикари, имеем психологию дикарей, которые украшали скальпами противников свою одежду. А, казалось бы, что после революций,

пережитых миром, после великих хартий пора перейти к другим международным правилам.

В инспирированных немецких газетах говорится о потерях англичан, о том, что они находятся при последнем издыхании, а между тем в обществе циркулируют слухи, что англичане в Ла-Манше одерживают победы, что они успешно борются за свою независимость. Верно ли это? Во всяком случае, эти слухи поднимают дух фр[анцузского] населения, которое убеждено, что победа Англии спасет и Францию.

В сегодняшней газете «Matin» от 10 августа говорится, что редакция получает много писем от читателей, в которых восхваляется Англия за ее героическую борьбу, [...] говорится, что победа Англии - это победа демократии, и автор статьи не знает, что возразить по поводу этих писем, упрекает авторов писем - французов и француженок - в том, что они забывают, что англичане сожгли их славную патриотку, героиню Жанну Д'Арк.

11-го августа. Эту ночь мне нездоровилось, и я плохо спала, но в минуты покоя меня будил шум аэропланов, тяжелых бомбовозов, которые прорезывали «Долину волков», начиная с 10-ти [часов] вечера до утра, пролетая почти над крышей санатории. После некоторого затишья опять началось несмолкаемое движение, причем некоторые аэропланы свой полет сопровождают каким-то особенным стуком, точно звук деревянных лопастей над самой головой. А между тем, как я уже говорила выше, комендатуре известно, что здесь санатория для душевно-больных, и Долину очень легко обогнуть при минимальном внимании. [...] Иногда является мысль, что этот бешеный полет нужен для того, чтобы население держать в страхе и напомнить ему, что победитель бодрствует. О, человечество, бесчеловечие тебе имя!

Был у меня Михаил Александрович Б²⁵. Он разлучен со своей семьей с начала мая. Вначале его жена и 3-х летняя девочка находились недалеко от Парижа, а потом, перед взятием Парижа, жена с реб[енком] и со своей старой матерью уехали в Бретань и поселились в деревушке на берегу моря... М. А., занятый на своем заводе, терпел разлуку, пока завод не перестал действовать. Но уже недели три, как завод закрыт, часть администрации покинула Париж, и М. А. без работы. Недели две тому назад он двинулся на велосипеде к своим. По дороге он пересел на поезд, проехал ряд станций, а потом - опять на велосипеде - до деревни, где живет семья. Семью он застал здоровой, хорошо устроившейся, ребенок и жена очень поправились, и он вернулся посвежевшим и пополневшим. Ни в чем недостатка в деревне нет. Имеются молочные продукты в изобилии. Оккупанты ведут себя прилично. Но атмосфера тяжелая: население почти враждебно относится к Франции, стремление к отделению от Франции, к автономизму. Такое течение и раньше существовало, но в слабой степени. Теперь под влиянием оккупантов это течение сильно возросло, местные газеты полны враждебными статьями против правительства и народа [Франции].

Меня это не удивляет. Бретань - один из наиболее отсталых уголков Франции; его мало коснулась франц[узская] культура. Религиозные предрассудки, суеверия там еще в большом ходу. Стремление к обособленности, автономии там всегда было, но в незначительном меньшинстве интеллигенции. Теперь под влиянием событий это стремление обострилось, муслируется оккупантами, но, по мнению французов, не имеет под собой почвы и в значительное движение не превратится.

Примечания

¹ Данциг (Гданьск) – город и порт в Польше. По Версальскому мирному договору 1919 г. был превращен в «Вольный город Данциг» под управлением Лиги Наций. 1 сентября 1939 г. фашистская Германия, напав на Польшу, захватила город.

² Розалия Марковна не смогла вернуться в Советский Союз. Во время гитлеровской оккупации она оставалась в Париже. Члены ее семьи участвовали в антифашистском движении.

30 августа 1949 г. Розалии Марковны не стало. Вот как описала последние месяцы ее жизни Е. Г. Бато-Плеханова в письме сотрудникам Дома Плеханова: «Дорогие друзья, мы получили ваши телеграммы и благодарим Вас за них от всей души. Мама умерла спокойно, во вторник 30 августа в 5.30 вечера. Вы могли судить по ее почерку, как она ослабела. Она все больше и больше отходила от жизни, замыкалась в себе, оживляясь только, когда я говорила с ней о работах [Георгия] В[алентиновича], или когда она получала письмо от вас. До самого конца она перечитывала произведения. Она просила меня читать ей вслух статью [Георгия] В[алентиновича] о Гегеле, напечатанную по-французски в сборнике «Основные вопросы марксизма». Но она не могла сосредоточиться. «Это трудно», – говорила она. Ее мечтой было вернуться к вам и снова взяться за работу с сотрудниками, к которым она была нежно привязана. Когда она поняла, что здоровье ей уже не позволит совершить это путешествие, она, наверное, пережила большую душевную драму. Ее силы убывали изо дня в день. 15 августа у нее была небольшой сердечный приступ, потом ее состояние улучшилось, потом внезапно наступило ухудшение, она потеряла сознание и тихо скончалась, не приходя в себя. Вы знаете, что ее желанием было, чтобы ее сожгли и перевезли в Ленинград прах в урне, которая была бы помещена в могилу [Георгия] В[алентиновича]». (РЦХИДНИ. Ф. 264. Оп. 1. Д. 219. Л. 13).

³ Масарик Томас Гаррик (1850 – 1937) – чехословацкий государственный и политический деятель, доктор философии. Неоднократно избирался депутатом австрийского парламента. В ноябре 1918 г. Масарик был избран президентом республики (переизбирался в 1920, 1927 и 1934 гг.).

⁴ Речь идет о Московских переговорах между СССР, Англией и Францией о заключении договора о взаимопомощи, которые происходили в апреле-августе 1939 г. Ведя переговоры, правительства Англии и Франции при поддержке правящих кругов США, продолжали проводить политику натравливания Германии на СССР. Для англо-французской дипломатии Московские переговоры с самого начала были только очередным ходом в ее двойной игре. Это нашло отражение и в ходе самих переговоров, когда Англия и Франция потребовали от СССР односторонних обязательств оказать им помощь, не обещая взамен никакой помощи Советскому Союзу в случае, если он будет вовлечен в военные действия в рамках принятых им на себя обязательств.

Учитывая двойную игру англо-французской дипломатии и нараставшую военную угрозу, Советское правительство было вынуждено принять меры по обеспечению безопасности СССР, что выразилось в комплексе экономических, политических, военных, организационных, дипломатических решений, в том числе и в заключении 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении.

⁵ «Антикоминтерновский пакт» – договор, заключенный 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией и оформивший под флагом борьбы против Коминтерна блок этих государств для борьбы за мировую гегемонию. 6 ноября 1937 г. к «Антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия, 24 февраля 1939 г. – Венгрия и марионеточное «государство» Маньчжоу-Го, 27 марта 1939 г. – Испания, 25 ноября 1941 г. – Финляндия, Хорватия, Дания, Румыния, Словакия, Болгария и «правительство» Ван Цзин-вэя (образованное японцами на оккупированной части территории Китая). Нежелание правящих кругов Англии, Франции и США проводить политику системы коллективной безопасности, политика попустительства агрессии, проводившаяся ими с целью

направить эту агрессию против СССР, облегчали фашистским государствам задачу создания агрессивного блока.

⁶ *Бато-Плеханов Клод Жорж* (род. в 1918 г.) - сын младшей дочери Плехановых Евгении Георгиевны и Жоржа Бато. Дипломат, в годы Второй мировой войны участник французского Сопротивления.

⁷ *Варыньский Людвиг* (1856 - 1889) - деятель польского социалистического движения. В 1881 г. объединил действовавшие в Польше рабочие и социалистические кружки в единую партию «Пролетариат» - первую революционную партию польских рабочих.

Дикштейн Шимон (псевд. - *Ян Млот*) (1858 - 1884) - деятель польского социалистического движения. Инициатор и автор перевода на польский язык «Капитала» К. Маркса, а также некоторых работ Ф. Энгельса, Ч. Дарвина, Г. Спенсера. С 1882 г. - член партии «Пролетариат». Сотрудничал с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, Л. Г. Дейчем, П. А. Лавровым.

Венцовский Александр - осуществлял общее редактирование первой программы польских социалистов, в создании которой принимали участие Людвиг Варыньский, Юзеф Узембло, Станислав Мендельсон и некоторые другие.

Марке - подруга Р. М. Плехановой.

⁸ Речь идет о советско-германском договоре о ненападении, который был подписан в Москве 23 августа 1939 г. народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом.

Во время проведения Московских переговоров Англии, Франции и СССР, представители Англии и Франции вели в Берлине и Лондоне тайные переговоры с представителями Германии, о чем регулярно сообщала европейская периодическая печать. Когда германское правительство обратилось к советскому правительству с предложением заключить договор о ненападении, Советский Союз ответил согласием.

Советско-германский договор 1939 г., исходя из положений советско-германского договора 1926 г. о нейтралитете, устанавливал, что обе стороны обязуются воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга (Ст. I); в случае нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон другая сторона не должна оказывать поддержки нападающей державе (Ст. II). Стороны также обязывались информировать друг друга о вопросах, затрагивающих общие интересы (Ст. III); не участвовать в группировках держав, направленных против одной из договаривающихся сторон (Ст. IV), и разрешать все споры между собой мирным путем (Ст. V). Статьи VI и VII касались срока действия договора (10 лет), порядка его ратификации и денонсации.

О секретном Протоколе к договору Р. М. Плеханова знать не могла.

⁹ Нападение Германии на Нидерланды произошло 10 мая 1940 г., спустя 4 дня, 14 мая, Нидерланды объявили о капитуляции. Оккупация Германией Бельгии началось также 10 мая 1940 г. 28 мая король Бельгии заявил о капитуляции страны.

¹⁰ «Долина волков» - название дома, принадлежавшего семье французского писателя и политического деятеля Франсуа Рене Шатобриана и находившегося в местечке Шатенэ-Малабри, под Парижем. После смерти Шатобриана поместье переходило в руки разных людей, пока его владельцем не стал Анри Ле-Савуре - муж Л. Г. Плехановой. В описываемое в дневнике время в этом здании располагался санаторий, принадлежавший семье Ле-Савуре. После смерти Л. Г. Ле-Савуре-Плехановой в 1978 г. здание и парк - «Долина волков» - перешли во владение Института Пастера.

¹¹ *Дукат А. О.* (1860-е гг. - после 1935 г.) - врач, муж сестры Р. М. Плехановой - Анны Марковны. Большую часть жизни провел за границей.

¹² *Либер Л. А.* - вторая жена А. О. Дуката.

¹³ Доктор Анри Ле-Савуре - зять Р. М. Плехановой, муж Л. Г. Ле-Савуре-Плехановой.

¹⁴ В январе 1077 г. в ходе борьбы за инвеституру в замке Каносса (Северная Италия) произошла встреча папы Римского Григория VII с отлученным от церкви и низложенным германским императором Генрихом IV, который в одежде кающегося грешника три дня простоял у стен замка, добиваясь приема

у папы Римского. Выражение «идти в Каноссу», означающее унижительную капитуляцию, стало крылатым в мае 1872 г. после реплики Бисмарка в рейхстаге: «Мы не пойдем в Каноссу».

¹⁵ Оран – город и порт на северо-западе Алжира. Нападение английских кораблей на французский флот в Оранском порту произошло 3 июля 1940 г. 16 июня 1940 г. маршал Петен сформировал правительство Франции, в котором военно-морским министром был назначен адмирал Жан Франсуа Дарлан (1881 – 1942). Учитывая тот факт, что Петен никогда не скрывал, что является сторонником капитуляции и сотрудничества с Германией, союзникам Франции должно было стать ясно, что вхождение в его кабинет адмирала Дарлана означает только то, что флот Франции присоединяется к флоту Германии. 17 и 18 июня англичане неоднократно просили Дарлана не сдавать французский флот немцам, что Дарлан им обещал. Однако по приказу Дарлана ни один французский корабль не вышел из зоны досягаемости ВМС Германии, т. е. французский флот, по указанию своего главнокомандующего, фактически присоединился к флоту Германии. В Лондоне сложилась обстановка, близкая к панике. В результате длительного обсуждения было принято решение, едва не приведшее Францию в лагерь союзников Германии. Правительство Англии решило разоружить французские корабли, находившиеся в английских и нейтральных портах, а суда, находившиеся в портах Африки и самой Франции, уничтожить. Акция была запланирована на 3 июля 1940 г.

Утром 3 июля во всех британских и нейтральных портах, в которых располагались английские войска, французские корабли были разоружены, их экипажи сошли на берег. Экипажи многих французских кораблей, находившихся в портах Средиземного моря, отказались выполнить ультимативные требования англичан и приняли неравный бой. В результате более 1500 французских моряков погибли. Сам факт нападения англичан на французских на все время войны испортил отношения между бывшими союзниками и серьезно затруднил действия англо-американских сил в Африке и на Ближнем Востоке, т. е. там, где французы по собственной инициативе практически всегда стали поддерживать Германию.

Адмирал Дарлан, узнав о происшедшем 3 июля 1940 г. (в т. ч. и о битве в Оранском порту), приказал французским частям нанести удар по английской базе в Гибралтаре. Эта база была подвергнута бомбардировке, а 11 июля Франция разорвала дипломатические отношения с Великобританией. С этого времени Франция из побежденного и нейтрального государства превратилась в активного пособника Германии в ее борьбе против Англии. (См.: Командиры второй мировой войны. Авт.-сост. А. Н. Гордиенко. Минск, 1997. С. 348-350.)

¹⁶ Описка: С П Чудновская-Левит умерла в 1938 г., т. е. через двадцать (а не двенадцать) лет, прошедших после событий, о которых упоминает Р. М. Плеханова.

¹⁷ *Зингер Пауль* (1844-1911) – один из лидеров германской социал-демократии, деятель марксистского крыла во II Интернационале, с 1890 г. – председатель правления социал-демократической партии Германии.

¹⁸ Лига наций – международная организация (1919 – 1946), созданная по окончании первой мировой войны. Устав Лиги наций – составная часть Версальского мирного договора. СССР был членом Лиги наций с 18 ноября 1934 г. по 14 декабря 1939 г. Начало Второй мировой войны Р. М. Плеханова оценивала как крушение Лиги наций.

¹⁹ *Вейган Максим* (1867 – 1965) – французский армейский генерал. С 1930 г. – вице-президент Высшего военного совета Франции, инспектор армии, в 1931-1935 гг. – начальник генерального штаба. В 1937 г. участвовал в фашистском движении кагуляров. С 1940 г. – начальник штаба национальной обороны, верховный главнокомандующий французскими вооруженными силами. Один из организаторов капитуляции Франции.

²⁰ *Муссолини Бенито* (1883 – 1945) – глава итальянской фашистской партии и фашистского правительства Италии в 1922-1943 гг. А октябре 1922 г. осуществил государственный переворот. После установления в 1933 г. фашистской диктатуры в Германии заключил с ней политический и военный союз. В 1940 г. втянул Италию во Вторую мировую войну на стороне Германии.

²¹ Стран Вальми, Вердена – Франция.

²² Гамелен Морис Гюстав (1872 - 1958) – генералиссимус Франции. С 1931 г. – начальник Генерального штаба сухопутной армии. В 1938 г. назначен начальником штаба Национальной обороны, с сентября 1939 г. по май 1940 г. являлся главнокомандующим французскими сухопутными силами.

Как начальник Генерального штаба Гамелен допустил непростительную ошибку, которая привела Францию к поражению. Из-за неоправданного рассредоточения по всему фронту французских танковых частей немецкие бронетанковые части, сконцентрированные в несколько мощных групп успешно атаковали французскую оборону. Части вермахта обошли «линию Мажино» не атакуя ее, и предприняли наступления естественные препятствия там, где французы этого не ожидали. А результате наступления французская армия была рассечена, 13 мая 1940 г. немецкие части были в сердце Франции. Гамелен пытался исправить положение, но безуспешно.

²³ Имеется в виду газета «Nouvelles des Paris».

²⁴ Вильсон Томас Вудро (1856 - 1924) – государственный деятель США, доктор философии, автор нескольких работ на исторические и политические темы. В 1910 г. был избран губернатором штата Нью-Джерси, в 1912 г. - Президентом США (в 1916 г. избран вторично).

²⁵ Бестужев М. А. – близкий друг семьи Плехановых. После смерти Е. Г. Бато-Плехановой (1883-1963) и Л. Г. Ле-Савуре-Плехановой (1881-1978) поддерживал переписку с сотрудниками Дома Плеханова в Ленинграде.

СОДЕРЖАНИЕ

Мыслитель, революционер, политик (А. А. Чернобаев).....	3
Обращение (К. Бато-Плеханов)	4
Дом Плеханова: 1928-1998 (Т. И. Филимонова).....	5
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	
«Задача наша трудная». Переписка Н. С. Русанова. 1898-1907 гг. (О. С. Кашавцева).....	12
К БИОГРАФИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА	
«Мне не раз приходилось слышать Плеханова...». Из воспоминаний В. О. Левицкого (М. В. Пронина)	25
«В трофейных фондах выявлены...». Материалы и до- кументы ЦХИДК о Г. В. Плеханове (С. С. Попова)	51
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ	
«Политическое положение очень скверно». Письма Ю. О. Мартова к Г. В. Плеханову. 1906 г. (Н. А. Казарова)	62
«Поговорить с Вами является для меня не только же- ланием, но и потребностью». Письма А. И. Балабановой к Г. В. Плеханову. 1906-1914 гг. (М. В. Пронина).....	72
«Сердце тянет туда, где русский дух, где Русью пахнет». Письма Ф. И. Дана к В. И. Засулич. 1907-1916 гг. (Т. А. Богданова).....	112
«Необходимо противопоставить революционной фра- зеологии - революционное мировоззрение». Переписка А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914-1918 гг. (Т. И. Филимонова).....	149
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ	
Из семейной хроники Плехановых. 1924-1935 гг. (Д. А. Аманжолова).....	169
«Желание быть полезным стране». Письмо академика П. П. Маслова И. В. Сталину. (Т. И. Филимонова).....	173
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
«Я глубоко страдаю за французский народ». Дневнико- вые записи Р. М. Плехановой. 1939-1941 гг. (Н. А. Сан- ников).....	179
ИЗ ИСТОРИИ ДОМА ПЛЕХАНОВА	
«На мою долю выпал счастливый лотерейный билет». Воспоминания Е. С. Коц (И. В. Смирнова)	207